

АФРИКА И ТРИ РОССИИ:

ОБ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Глава из «Африка 2025: Возможности и риски»

Экспертно-аналитический справочник, подготовленный Центром изучения Африки НИУ ВШЭ

Под общей редакцией А.А. Маслова и В.Ю. Свиридова

Автор:

Свиридов Всеволод Юрьевич, заместитель директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

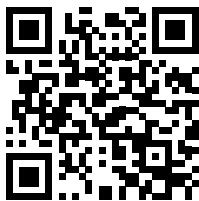
Под редакцией Маслова Андрея Александровича, директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ.

Глава **«Африка и три России: об истории российско-африканских отношений»** предоставляет комплексный анализ трехвековой истории взаимодействия России со странами Африки, выделяя ключевые особенности и результаты сотрудничества на каждом этапе — в имперский, советский и современный периоды. Материал подготовлен Центром изучения Африки НИУ ВШЭ в рамках экспертно-аналитического справочника «Африка 2025: Возможности и риски».

«Африка 2025: Возможности и риски» — это справочное издание, посвященное проблемам развития, вызовам и перспективам африканского континента. Целевая аудитория издания включает государственных служащих, представителей деловых кругов, научного и экспертного сообществ. Цель справочника — предложить альтернативный, конструктивный взгляд на ключевые проблемы, стоящие перед Африкой, в числе которых — обеспечение продовольственного и энергетического суверенитета, преодоление долгового кризиса, цифровая трансформация, стремительная урбанизация и демографический рост.

Справочник был подготовлен коллективом экспертов и ученых под руководством Центра изучения Африки НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Цифровая версия
справочника
доступна по ссылке:

© Центр изучения Африки НИУ ВШЭ и авторы, 2025
Все права защищены.

Оглавление

Российская империя в Африке 4

Советская Россия и Африка 5

Россия и Африка 8

Африка и три России: об истории российско-африканских отношений

Российская империя в Африке

О формировании относительно устойчивых связей между Россией и странами Африки можно говорить с XVII–XVIII вв.¹ На первом этапе это выражалось в появлении при дворе русских государей так называемых арапов и паломничестве российских священнослужителей в страны Северной Африки (преимущественно в Египет), затем европеизации и развитии отношений со странами Западной Европы, тогда активно осваивавших Африку, в Россию проникают знания о регионе, а российские императоры и чиновники из европейских турне в качестве дипломатических подарков привозят картины и гобелены с дикийными «колониальными» сюжетами. К концу XVIII в. с получением Российской империей доступа к Черному морю постепенно развиваются и торговые связи со странами Северной Африки, тогда находившимися под контролем Османской империи. Из Египта в Россию поступают «росный простой ладан, розмарин, александрийский лист, сахарный песок, нашатырь, шафран»², устанавливаются торговые отношения с Марокко, Тунисом, Алжиром. Уже тогда перед Россией встают первые логистические вызовы в торговле со странами Африки: угроза пиратства у берегов Магриба, зависимость от турецкого торгового флота, а также от европейских посредников, поставлявших в Россию африканские товары, «которые до нас доходят уже чрез тысячу мытарских рук и за весьма дорогую цену»³.

Россия никогда не обладала колониями в Африке и не предпринимала шагов, чтобы их заполучить. Благодаря этому у Москвы сохраняется важное моральное преимущество, которое до сих пор вносит важный вклад в благоприятную атмосферу в российско-африканских отношениях. Это обусловлено комплексом факторов: от географических и военно-политических до моральных и экономических. Структура экономики Российской империи в XVIII–XIX вв. не требовала завоза дешевой рабочей силы или импорта тех товаров, которые Африка поставляла в европейские метрополии. Географическая удаленность, зависимость российского флота от доступа к Босфору и проливам на Балтике делали невозможным управление удаленными владениями в Африке, да и сама концепция «колонизации» и опыт освоения европейцами стран Африки противоречили логике территориального развития Российской империи. Однако это не означает, что Россия оставалась безучастной к судьбе Африки в поворотном для нее XIX в. Так, российский дипломат Петр Алексеевич Капнист, на тот момент чрезвычайный посланник и полномочный министр в Гааге, участвовал в Берлинской конференции в 1884–1885 гг., на которой был закреплен колониальный раздел Африки и формировалась ее современная политическая карта. Подпись Капниста от имени «государя Всероссийского» стоит под «Генеральным актом», принятым по итогам конференции. Интерес для России (как, например, и для США) представлял в первую очередь беспрепятственный доступ к торговле со странами Африки, а также к миссионерской деятельности.

1 Текст впервые опубликован в журнале «Профиль». Всеволод Свиридов. Как складывались отношения с государствами Черного континента у Российской империи, СССР и Российской Федерации. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-skladyvalis-otnosheniya-s-gosudarstvami-chernogo-kontinenta-u-rossijskoj-imperii-sssr-i-rossijskoj-federacii-1659607/>

2 Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи с Африкой в XVIII – первой половине XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4.

3 Там же.

К концу XIX в. Россия утвердилась в Африке как нейтральная сила и противояс экспансионистской политике европейских держав.

Важную роль в сохранении Эфиопии в качестве независимого суверенного государства сыграла дипломатическая поддержка со стороны Российской империи. На рубеже веков именно российско-эфиопские отношения, официально установленные в 1898 г., развивались наиболее динамично, что выразилось в экспедициях российских путешественников и ученых в Эфиопию, открытии в Аддис-Абебе госпиталя Российского общества Красного Креста, обмене визитами на высоком политическом уровне. На конец XIX в. приходится и рост интереса в Российской империи к ситуации на юге Африки и бурским республикам: Трансваалю и Оранжевой. Симпатии российской прессы и большей части общества тех лет были на стороне бурских республик, боровшихся против британцев, а российские офицеры и добровольцы, среди которых были журналист и путешественник Евгений Максимов, будущий лидер партии октябристов Алексей Гучков и другие представители российской интеллигенции и знати, участвовали во Второй англо-бурской войне (1899–1902 гг.) на стороне бурских государств.

В активизации российско-африканских связей на рубеже веков бóльшую роль сыграли частная инициатива и интересы отдельных политических авантюристов, чем последовательная политика царского правительства. В дальнейшем активность России в регионе была сокращена на фоне русско-японской войны, создания Антанты (а следовательно, и необходимости не нарушать интересы Франции и Великобритании — основных колониальных держав в Африке) и внутривнутриполитических потрясений.

Советская Россия и Африка

В 1920–1930-х годах советская политика в Африке формировалась в логике курса на «мировую революцию» и была направлена на подрыв ресурсной базы мирового капитализма и империализма

как его высшей стадии. Советско-африканские связи тогда концентрировались в первую очередь на обучении руководящих кадров для местных подпольных коммунистических и социалистических движений по линии Коминтерна и Международной организации помощи борцам революции, а наиболее интенсивно развивались связи с белыми коммунистами Южно-африканского союза (ЮАС) — самой промышленно развитой страны региона к тому времени. Советский Союз и ЮАС в годы войны даже стали союзниками по антигитлеровской коалиции, но наметившееся сближение было сведено на нет началом политики апартеида в ЮАР в 1948 г.

Вторая мировая война послужила катализатором распада европейских колониальных империй, и СССР, в том числе на площадке ООН, внес ключевой вклад в процесс деколонизации, что увенчалось принятием Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам Генассамблеей ООН в 1960 г., который теперь известен как «Год Африки».

Советский Союз сразу начал поддерживать получившие независимость страны Африки и активно участвовал в продолжающемся процессе деколонизации, особенно на юге Африки: в Южной Родезии (Зимбабве), ЮАР, Намибии, Анголе и Мозамбике. Стоит отметить, что говорить о «целостной» советской политике в Африке или «африканской стратегии СССР» было бы некорректно. В отношении разных стран СССР исходил из разных посылок — военно-стратегических, экономических и в меньшей степени идеологических. Вопреки стереотипам, «социалистическая ориентация» играла не столь значительную роль при определении страновых приоритетов. На протяжении всей холодной войны Советский Союз активно взаимодействовал как с «социалистическими» народными республиками: Анголой, Бенином, Республикой Конго, Мозамбиком, Эфиопией, так и с «капиталистическими» — Нигерией, Кот-д'Ивуаром и Королевством Марокко.

На двустороннем уровне развитие отношений имело комплексный характер. Торговля, особенно промышленными товарами, между СССР и странами Африки выстраивалась в привязке к советским инфраструктурным проектам на территории этих стран (например, в 1985 г. доля машин и оборудования, поставленных для объектов, строящихся при техническом содействии СССР, в общем советском экспорте в Эфиопию составила 17%, в Ливию — 19%, в Алжир — 70%, в Нигерию — 94%)⁴, а образовательное сотрудничество — с потребностями народного хозяйства стран Африки: специалисты, проходившие подготовку в Советском Союзе, затем обратно возвращались в свои страны и работали в том числе на предприятиях промышленности и народного хозяйства, созданных при советской помощи.

Образование — то направление, где СССР и странам СЭВ удалось добиться наибольших успехов. Стратегический подход СССР предполагал подготовку управленческих кадров для развивающихся стран, которые в среднесрочной перспективе возглавят свои страны. В 1981 г. в советских вузах училось 34 тыс. студентов из Африки, а суммарно во всех странах Восточной Европы — 72 тыс., что сопоставимо с числом африканских студентов в странах ОЭСР (111 тыс.) и значительно больше, чем в США (9 тыс.)⁵. Всего в советских вузах в 1960–1990 гг. прошли подготовку около 90 тыс. африканцев. До сих пор сложно оценить тот вклад, которые африканские выпускники советских вузов внесли в развитие африканских стран и отношений России с ними. Конечно, число госслужащих, учившихся в бывших метрополиях (Франции, Великобритании, Португалии), а также США, превышает число советских выпускников, что обусловлено историческими и культурными особенностями, устройством политических систем в этих странах. Однако, например, в сравнении с ФРГ, где училось примерно столько же студентов из Африки, как и в СССР, советская политика оказалась более эффективной. По состоянию на август 2025 г. у власти в Африке три президента, которые учились в СССР, —

Жоау Лоуренсу в Анголе (Военно-политическая академия имени В.И. Ленина), Джон Махама в Гане (Институт общественных наук при ЦК КПСС) и Нетумбо Нанди-Ндаитва в Намибии (Высшая комсомольская школа).

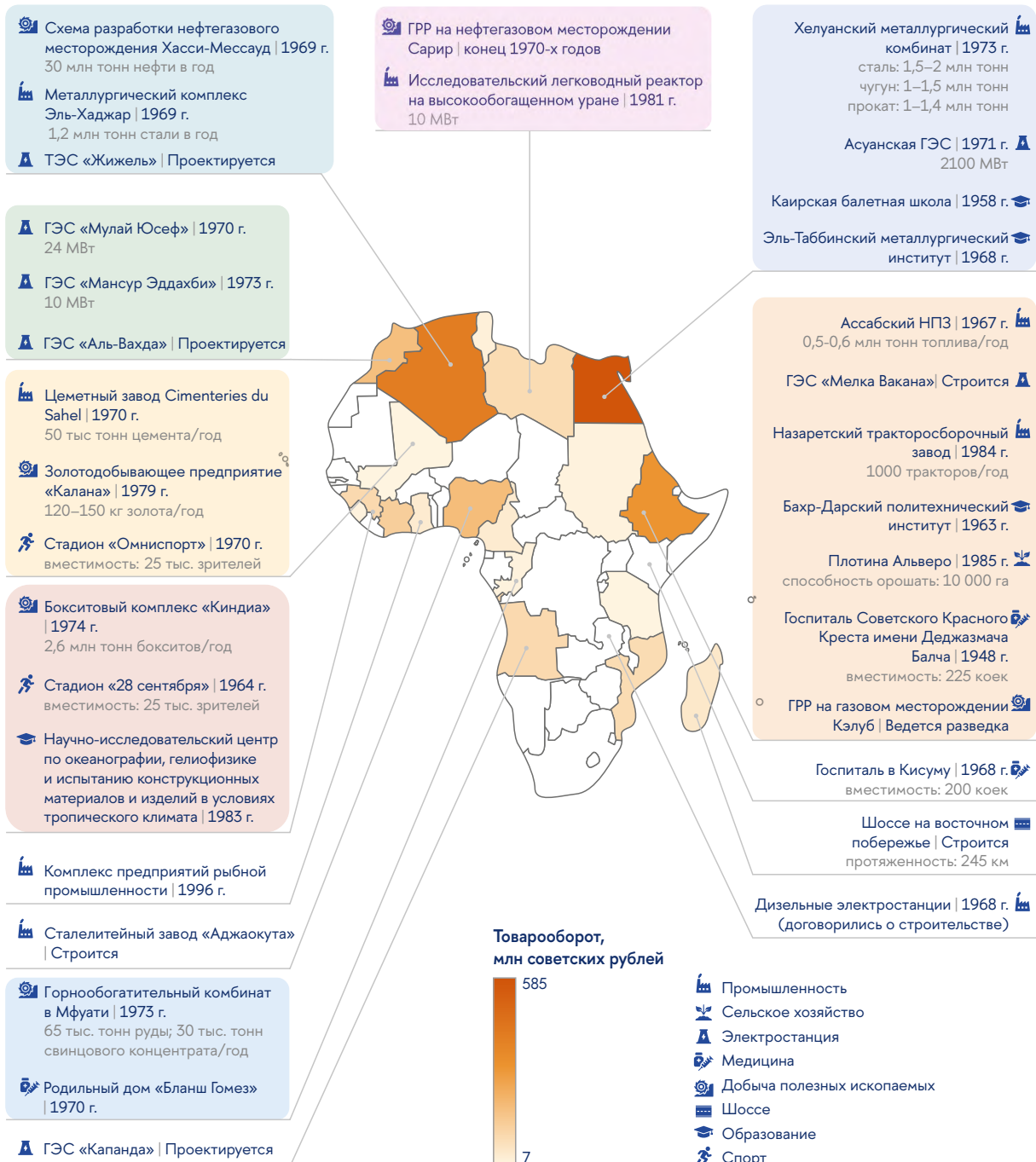
Важный аспект советско-африканских отношений — это финансовая помощь СССР Африке, которая до сих пор используется для демонстрации «непродуманности» всей советской политики в Африке. Однако в этом случае стоит говорить о том, что из-за распада СССР Москве не удалось в полной мере воспользоваться многими дивидендами, на получение которых была ориентирована советская помощь Африке, что привело к «списанию долгов» в 2000-х годах уже под эгидой Парижского клуба. Во-первых, стоит отметить, что в той или иной форме кредиты странам Африки, как и сейчас, в годы холодной войны давали все ведущие державы и, более того, советская помощь в сравнении с западной была куда менее значительной по объемам. Например, в первой половине 1980-х годов финансовая помощь странам Африки южнее Сахары со стороны всех стран СЭВ составляла около 3% общемировой (для сравнения: США — 23%, ФРГ — 10%, Япония и Великобритания — по 5%)⁶. Во-вторых, условия финансовой помощи были у СССР и союзников более строгими (льготная составляющая кредитов СЭВ составляла около 40–50%). В-третьих, советские кредиты подразумевали закупку советского оборудования под проекты, а выплату части кредита за строительство промышленных объектов — поставками доли продукции предприятия (например, глинозема, фосфатов, рыбы и т.д.). Наконец советская экономическая помощь странам Африки была вписана в более широкий контекст промышленной кооперации внутри СЭВ и создания цепочек создания добавленной стоимости за его пределами, которые бы работали на страны социалистического лагеря, что, с одной стороны, укрепляло бы промышленный потенциал развивающихся стран, а с другой — обеспечивало социальный лагерь необходимыми товарами.

4 Министерство внешней торговли СССР. Внешняя торговля СССР в 1985 г.

5 Lawson C. Soviet Economic Aid to Africa.

6 Ibid.

Сотрудничество СССР со странами Африки, 1985 г.

Примечание: Перечень неполный, на карте представлены примеры проектов, реализованных СССР в странах Африки в 1940–1980-х годах.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ при участии А.В.Черкаского, на основе данных статистического сборника «Внешняя торговля СССР в 1985 г.».

Россия и Африка

С 1991 г. российско-африканские отношения можно представить в виде постоянного восходящего тренда. В первую очередь это связано с тем, что в 1990-х годах на фоне кризиса российское присутствие в Африке было минимизировано: сокращены дипломатическое присутствие и политические контакты, многие инфраструктурные проекты, начатые СССР, были заморожены на высокой стадии готовности. Развивались лишь отношения между Россией и ЮАР, что было связано с глобальной «модой» на эту страну — в 1994 г. в ЮАР пал режим апартеида, а укреплению связей содействовала поддержка, которую СССР оказывал пришедшему к власти Африканскому национальному конгрессу в его борьбе против апартеида.

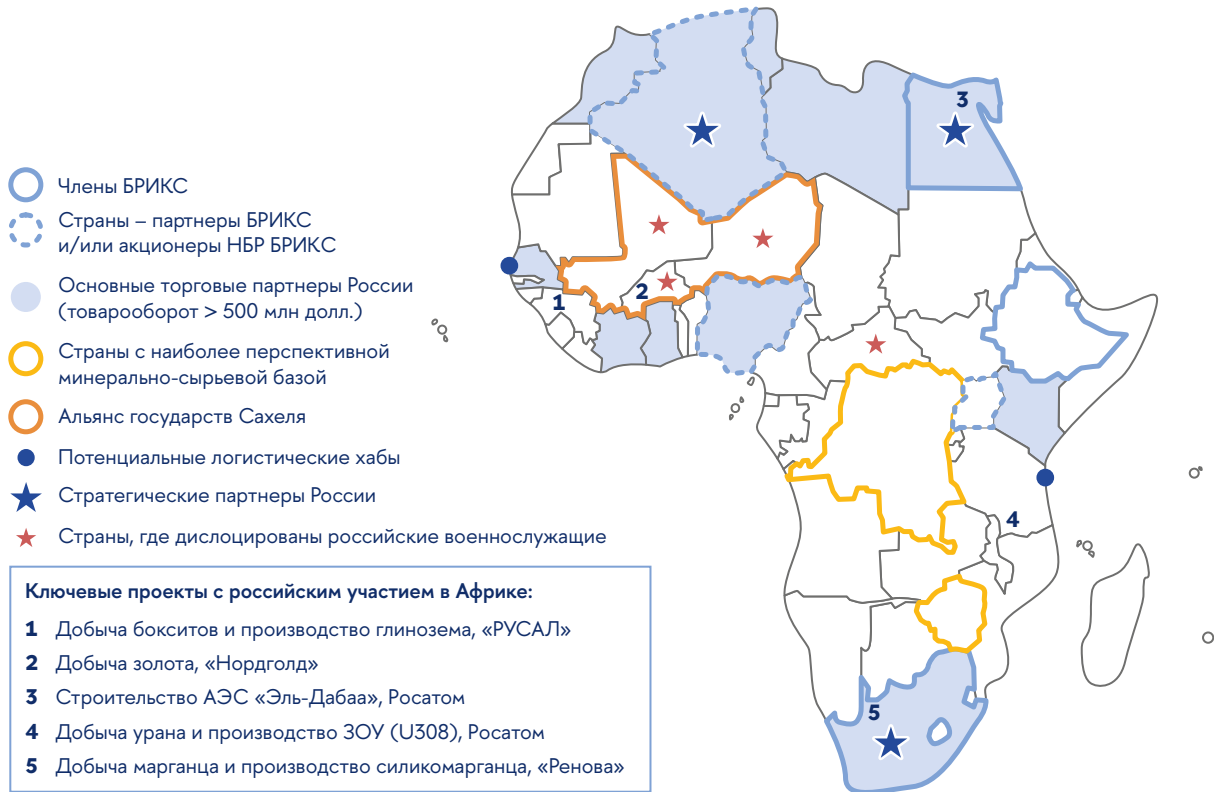
В 2000-е годы наблюдается активизация политических контактов: все чаще африканские президенты приезжают в Москву, состоялись турне президентов Владимира Путина и Дмитрия Медведева по странам Африки, именно к первому десятилетию XXI в. относятся основные инвестиции российских компаний: «Русала» в добычу бокситов и производство глинозема в Гвинее, «Алросы» в добычу алмазов в Анголе. В Африку приходят другие российские компании: ВТБ, «Ренова», «Лукойл», «Газпром», «Татнефть», «Стройтрансгаз», «Норильский никель». Инвестиции крупного российского бизнеса в Африку тогда рассматривались как шаг на пути к превращению в глобальных игроков, формированию российских ТНК. Однако для разных компаний судьба инвестиций сложилась по-разному: некоторые проекты стали прибыльными и обеспечили доходы как российским компаниям, так и российской экономике, как, например, инвестиций «Алросы» в Анголе и «Русала» в Гвинее (примечательно, что оба проекта восходят еще к советским временам, когда советские специалисты обнаружили месторождения полезных ископаемых и подготовили планы их освоения). Значительная же часть инвестиций российских компаний в Африку в 2000-е годы была потеряна и не внесла значительного вклада в укрепление двусторонних отношений.

Признавая определенное влияние ухудшения отношений со странами Запада и санкции в 2014 г. на активизацию российско-африканских отношений, важно отметить, что интерес России к Африке имеет объективный характер и обусловлен ростом экономического и политического влияния региона в мировых делах. Все важнее в российско-африканских отношениях становится политический аспект — растет число контактов на высшем и высоком политическом уровне, укрепляются связи в сфере безопасности. Политический диалог России со странами Африки пережил все кризисы, состоялись два успешных политических саммита в 2019 и 2023 гг., начинается подготовка к следующему, уже третьему по счету, который должен состояться в 2026 г. Ни одна из африканских стран не присоединилась к антироссийским санкциям, а на международных площадках (ООН, ВТО и др.) они играют роль балансира, сдерживая антироссийски настроенные силы. Россия же стремится с уважением относиться к опасениям и мнению стран Африки по ключевым вопросам международной повестки.

Основными политическими партнерами России в Африке остаются Алжир, Египет и ЮАР, укрепляются связи с Эфиопией после ее вступления в БРИКС. Вероятно, присоединение Нигерии и Уганды к БРИКС в качестве стран-партнеров также послужит катализатором активизации связей России с ними. Устойчиво развивается диалог с Танзанией и Сенегалом. Наконец Россия остается важным партнером для Ливии, Судана и ЦАР. Заметным трендом последних лет стало усиление российских позиций в Сахеле и официальное размещение российских военнослужащих в Буркина-Фасо, Мали и Нигере.

Одним из важных достижений российской гуманитарной политики в Африке стало увеличение числа африканских студентов в России, которое к 2025 г. превысило 35 тыс., — это столько же, сколько училось в СССР в 1980-х годах. Однако за это время население Африки утроилось, соответственно, необходима дальнейшая работа по привлечению одаренных африканских студентов в Россию, повышению требований к абитуриентам, масштабированию курсов русского языка в странах Африки.

Основные партнеры России в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

В части торгово-экономического сотрудничества России со странами Африки с 2014 г. произошли значительные изменения. Поскольку зачастую российские компании в Африке действовали в качестве младших партнеров западных корпораций, сокращаются инвестиции, а основной фокус переносится на торговлю. Такая модель — рост товарооборота при сокращении инвестиций и кредитования — уже более 10 лет сохраняется в российско-африканских торгово-экономических отношениях. К крупным инвестиционным проектам, реализация которых была начата за последние 5 лет, можно отнести лишь строительство АЭС «Эль-Дабаа» (4,8 ГВт) в Египте госкорпорацией Росатом.

Соотношение между анонсированными и реализованными проектами пока остается крайне низким.

Профицит торговли со странами Африки составил свыше 20 млрд долл., или 13% всего профицита торгового баланса России в 2024 г., что особенно существенно в сравнении с долей Африки в общем товарообороте (4%).

В 2024 г. товарооборот России со странами Африки составил рекордные 27,7 млрд долл. при российском экспорте 24 млрд.

В торгово-экономической части кроется одно из важных отличий между Россией и СССР в Африке. Перечень основных торговых партнеров

России в Африке в 2025 г. почти не отличается от 1985 г. — это все те же Алжир, Египет, Марокко и Нигерия, однако торговля СССР со странами Африки была более сбалансированной: в 1985 г. экспорт СССР в Африку составил 1,4 млрд советских рублей при импорте 1,9 млрд (в действительности импорт составил около 1 млрд, советская внешнеторговая статистика отражала бартерные поставки нефти из Ливии и других нефтеэкспортеров как импорт, хотя СССР реэкспортировал этот объем в Европу).

Из Африки СССР импортировал финики, вино, апельсины, бокситы, фосфатные удобрения, пряжу, орехи, кофе, какао-бобы.

За 30 лет российский экспорт в Африку кратко вырос, а импорт остался на прежнем уровне. Страны Африки не видят в России потенциальный рынок сбыта для своих товаров (что связано в том числе с низкой комплементарностью в торговле большинства стран Африки и России). Однако вместе с политикой администрации Трампа вопросы торгового баланса вновь возвращаются в мировую политику, а для Африки дефицит — одна из ключевых проблем, усугубляющих долговой кризис и подрывающих экономическую устойчивость. Применительно к российско-африканской торговле такое сальдо может быть частично компенсировано российскими инвестициями, импортом услуг (туризм) и, возможно, денежными переводами трудовых мигрантов. Инвестиции российских компаний могут быть сосредоточены в первую очередь в тех отраслях, где уже удалось закрепиться российским экспортерам (рынки продовольствия, энергоносителей, удобрений, продукции металлургии и ЛПК), основной задачей, таким образом, будет обслуживание уже сформировавшихся товарных потоков в части логистики, хранения и дистрибуции.

Показателен пример российского сельскохозяйственного экспорта, который составляет треть всех поставок России в Африку. СССР не был мировой сельскохозяйственной державой и зависел от импорта базовых продовольственных категорий. Сейчас же Россия — ключевой игрок на мировых рынках удобрений, зерна и ряда других продовольственных категорий, однако пока будто уклоняется от роли модератора и ключевого актора на мировых продовольственных рынках, довольствуясь статусом поставщика товаров, не стремится формировать глобальную продовольственную повестку и до сих пор во многом зависит от западной, пока неподверженной санкциям финансовой и транспортно-логистической инфраструктуры. Сотрудничество России со странами Африки в сфере АПК развивается

по «биржевой» модели — российские экспортеры редко понимают, как устроены внутренние рынки африканских стран, их потенциал, ограничиваясь взаимодействием с посредниками или FOB-поставками. Стратегические рыночные доли пока не конвертируются в стратегическое влияние, в том числе в сфере определения повестки развития, влияния на стандарты и спецификации. Для российских экспортеров стратегическое влияние означает долгосрочный и устойчивый доступ на растущие рынки, закрепление за ними определенных ниш, возможность влиять на процесс принятия решений в сельскохозяйственной отрасли и в результате рост экспортных доходов Российской Федерации и укрепление продовольственного суверенитета стран Африки (за счет поставок российских удобрений, цифровых решений, сельхозтехники, создания систем экологического мониторинга).

Пока Россия чувствует себя неуверенно в качестве экспортера товаров, а не сырья, хотя Советский Союз в Африке был именно поставщиком готовой продукции и решений — инструментов суверенитета.

В целом пока Россия чувствует себя неуверенно в качестве экспортера товаров, а не сырья, хотя Советский Союз в Африке был именно поставщиком готовой продукции и решений — инструментов суверенитета: продукции машиностроения, металлургии и химической промышленности, станков, поддерживал процесс стратегического планирования, готовил национальные кадры, содействовал развитию перерабатывающей промышленности и локализации, национальных систем образования, медицины.

Несмотря на распространенный прогноз о том, что XXI в. станет периодом устойчивого развития

для Африки, первая его четверть демонстрирует ограниченную применимость традиционных моделей экономического роста. Развитие региона требует поиска новых подходов и моделей международного сотрудничества. Россия может содействовать формированию таких моделей, предлагая решения в сфере машиностроения, информационно-коммуникационных технологий и промышленной кооперации, передавать опыт в сфере государственного управления. В этом контексте африканские рынки могут стать не только точкой роста для российских поставщиков, но и площадкой для разработки и тестирования новых стратегий экономического взаимодействия.

Центр
изучения
Африки
НИУ ВШЭ